

Дмитрий Трибушный

Родился в 1975 году в Донецке.
В 1997 году окончил филфак
Донецкого национального
университета, в 2002 году —
Одесскую духовную семинарию.
Священник. Автор работ,
посвященных богословию,
религиозной философии и истории
старчества. Живет в Донецке.

В ПРОСТРАНСТВЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОМ ДЛЯ РАЯ

Хотел бы написать, как Бах,
Чтобы слышал Бог.
Не просто ветром в деревьях
Или узлом дорог.

Не сном, не духом, не огнём,
Не декабрём седым.
Не тем, что вне, не тем, что в Нём,
А просто Им Одним.

Каждое слово тебе занесут в приговор.
Кто объяснит мне, какого несчастья ради
Мы собираем пьянящий рифмованный вздор
И умираем на плоскости наших тетрадей?

Каждая рифма как праздник подарена нам.
Сколько ещё их до полного счастья осталось?
Знает на память своих должников имена
Вечная спутница наших скитаний — усталость.

Что же, приятель, за тысячи творческих лет
Не сочинили поэты уютной и выгодной веры?
Сколько их вышло в прокуренный грязный буфет
Раньше финала задуманной Богом премьеры.

В каждой провинции ангел свой,
Не замечаемый, тёплый, не спящий.
И собеседник, и часовой,
Льющий дожди, у престолов стоящий.

Две половинки торопит к венцу.
Ставит судьбу на надёжные рельсы,
Мертвые души отводит к Творцу,
И провожает последний троллейбус.

Что же случилось со мной и страной,
Кто виноват в перемене погоды,
Если хранитель берет выходной
И из провинции нашей уходит?

Кто ныне спрячет под тёплым крылом
Наши вполне бестолковые жизни?
Се остается небо как дом...
Плачь, эмигрант, о небесной отчизне.

Зимы нечаянный свидетель

Я слышал: первый снег прошёл
И никого не потревожил.
Деревьям было хорошо,
Деревне задремавшей — тоже.

А он метался, сам не свой,
Когда над белыми полями
Нерукотворною стеной
Шла человеческая память.

Вначале вырастает небо.
Из неба вырастает храм.
Куда мы едем,
 едем,
 едем
По лучшим на земле холмам?

Плывут навстречу перелески
Который день, который год.
Всё кажется, что Русь исчезнет
Буквально через поворот.

Не может праздник вечно длиться
В стране слепых глухонемых.
А Бог смотрелся в эти лица
И навсегда остался в них.

Плывут прощальные такси,
Такси печальные немного.
Так тихо, словно о Руси
Отдельный замысел у Бога.

Дрожат далекие огни.
Дрожат дежурные трамваи.
Так тихо, словно мы одни
Внутри промышленного рая.

Висит прощальный звездопад
Над чёрным зеркалом канала.
Так тихо, словно мы назад
Вернулись. В самое начало.

Темно и томно. Как положено.
В отчизне ночь.
А мы по облакам несокошенным
Уходим прочь.

В столицах затяжные праздники
Сплошной стеной.
А мы... О нас уже всё сказано
Родной страной.

Она детей своих не балует
И не хранит.
Чужих отчизна запоздалая
Усыновит.

О чем говорят со смертью

Поближе к смерти подойду
До эпилога:
Во мне зажги свою беду,
Моих не трогай.

Возьми сомнения себе —
Моё наследство.
Не трогай город в сентябре,
Наивный, детский.

Когда последняя роса
Сойдёт на клёны,
Прошу, не закрывай глаза
Моим влюблённым.

Не торопи, не бери
Перед побегом.
И до рассвета не буди.
Будь человеком.

Ушёл из жизни человек,
Расстался с миром.
Поднимем кубок за побег,
За дезертира,
За предсказуемость конца.
Но между прочим
Всегда есть место у Творца
Для многоточий.

Хочешь жить на Руси — полюби голода,
И мороз, и разнос, корневую злость.
Здесь назло всем смертям не сгорает вода
И юрод выходит на Калинов мост.

Хочешь жить на Руси — распрягай вороных,
И спрягай «полюбить» просто так, натоцак.
А в глазах юрода — нерождённый стих,
И в руке не меч, а чужой пятак.

умирали как умели
кто-то сразу на простор
кто-то заблудился в теле
умирает до сих пор

тех случайно зачеркнули
этих сократили впрок
здесь назойливые пули
ищут выгодный висок

умирали как попало
кое-как и невпопад
некрасиво помирали
Зайцево и Ленинград

на миру смертеть неловко
рухнул в грязь разлили кровь
и лежишь под остановкой
в самом лучшем из миров

не в бою под парусами
жизнь нажала тормоза
стыдно так что сразу сами
закрываются глаза

Я был одной бездумной болью,
Внезапной, скрюченной, шальной,
А Он, всемирный, вседозволенный,
Зачем-то шёл страдать со мной.

Пока навзрыд смеялись боги
И поднимали высоту,
Он шёл прокладывать дорогу
Сквозь вековую мерзлоту.

Через проулки и базары,
Через промёрзшие тела.
Сюда архангелы боялись
Направить быстрые крыла.

Поэты звали и пророки
В свои надмирные мечты,
А Он наш городок убогий
Учил переходить на Ты.

Город не спит — жмурится.
Время зажечь фонари.
А на моей улице,
Как у кита внутри.

Где-то течёт, спорится,
Всё собирается впрок,
И перестал ссориться
С Богом своим пророк.

Здесь тишина праздная,
Звонкое серебро.
Слышно, как вниз падает
Ангельское перо.

*Схиархимандриту
Гавриилу (Стародубу)
посвящается*

Переплелись дороги узкие,
И все ведут к иному Риму.
Хвалю вас, тихотворцы русские,
Костры, невидимые миру.

У нас морока, окоlesiца,
Распутица и раздорожье,
А вы наверх по горней лестнице
Взбираетесь неосторожно.

И мы, пожалуй, успокоимся,
И всё Создателем простится,
А вас и там запишут в воинство,
Святой Руси святыя птицы.

Смертее. Для людей, зверья,
Для песен мир, пожалуй, тесен.
И каждый проблеск бытия
Уже по своему смертесен.

В груди задумчивый пожар.
Есть время для знакомства с домом,
Есть время предоставить шар
Кому-то новому, другому.

Гори-гори, не говори.
Прощанье смотрит одиноко,
Как будто вверх поводыри
Тебя позвали раньше срока.

Никому, никуда, ниоткуда.
По-другому, иначе, опять.
На ветру, в ожидании чуда
И трамвая под номером пять.

Облака разбежались. Столица
Третий месяц летит под откос.
И летят перелётные птицы
Понарошку, как будто всерьёз.

Поздний воздух в промышленной зоне
Не обманет, как трезвый расчёт.
И о чем только бабушка звонит —
Ангелёнку уснуть не дает?

Неужели сегодня остынет
Горький май на ослепших губах?
Мы опять остаёмся в пустыне —
В беглецах, в египтянах, в рабах.

— А снег не прекратится никогда, —
Вдруг произносишь, сразу замечая,
Что целый век стояли холода
В пространстве, предназначенном для рая.

И, вечности невольный гражданин,
Вдруг понимаешь — всё дано в избытке.
И нужен век, чтобы разжечь камин
Или дойти от дома до калитки.

Отдельный век, чтоб ворошить золу,
Стеречь окно и думать понемногу,
И чувствовать себя в своём углу,
И не смотреть с надеждой на дорогу.

Несли дары со всех концов земли
В январский сумрак приоткрытой детской.
И мальчику приснились корабли
И кукольный театр по соседству.
Но стоило ему открыть глаза,
Как появились черные фигуры.
Так настигает путника гроза
И беглеца — патруль комендатуры.
С той стороны зеркал, свечей, гардин
Явились, растеряв свои приметы.
Родители уснули. Он один.
А значит, за родителей в ответе.
Он может испугаться и заснуть,
Закрывать глаза дрожащею ладошкой,
Но он не спит, пока ночная жуть
Грозит ему, родителям и кошке.
Но он не спит. Хотя холодный страх
Уже залез к нему под одеяло.
Застыло время. Полночь на часах.
И впереди так много или мало.

Перед тем, как сбиться или спиться,
Если можно будет выбирать,
 Попрошу невидимую птицу
 Понапрасну мне не куковать.

У пельменной или автомойки,
 В стороне от основных дорог,
 Пусть свои узлы развяжут мойры,
 Если нужно взять меня врасплох.

Пусть в ночи перегорят светила
 И не скажут, где искать беду.
 Пусть навстречу не спешит Вергилий,
 Пусть другими занят — подожду.

Весенние строфы в комнате музыканта

По ступенькам каверзным
Грифельной доски
Бегают весёлые
Ноты-светляки.

Если бы не ходики,
Если б не сверчок,
В чёрном безголосии
Умер бы смычок.

Умер бы воистину,
Умер навсегда.
Но висит над пристанью
Спелая звезда.

И молчит, и молится,
И всю ночь поёт,
И сосредоточиться
Смерти не даёт.

Идет ко дну страна-самоубийца.
Уже зима. У православных пост.
В глухой столице Ирод веселится,
Задумывая новый холокост.

Сожжём мосты. Замрут автовокзалы.
Испепелим и детский сад, и храм.
А дети... Дети будут жить в подвале
И выходить под бомбы по часам.

Будут астры или розы.
И какой-нибудь поэт,
Может быть, меня попросит
Блоку передать привет.

Будет ангел участковый
Совестить: припоминай
Этот город бестолковый,
Приспособленный под рай.

Кто-то — Рильке или Рыжий
Проведёт меня сквозь ад.
Может быть, и я увижу
Тех, кто не смотрел назад.

Освобождение от кожи —
Последняя из всех потерь.
Пора себя извлечь из ножен.
Тебя умрут, а ты не верь.

Не верь в покой перед грозой,
В почётный караул берёз,
Когда твои глаза закроет
Рассвет, случившийся всерьёз.

Не верь, не велика потеря,
Тому, кто отпускает в твердь
И сам при этом твёрдо верит,
Что вправду существует смерть.

Не верь прощанию — обманет.
Не верь последнему «аминь».
Не верь себе, когда сквозь камень,
Сквозь сердце прорастёт полынь.

В городе N

Здесь был когда-то город-сад,
Рай рукотворный, образцовый.
Теперь вокруг разлад, разбрат,
И на ветру дрожат основы.

Святые пятый век не спят
В монастыре, открытом снова.

Бредёт задумчивый народ,
Законный внук великороссов.
Кто ипохондрию несёт,
Кто — просветление. Кто — осень.

Под поздним воздухом бредёт,
У неба ничего не просит.

Войду в собор, в густой простор.
Не видно ни конца, ни края.
Молчит кадило, дремлет хор.
Молчит разлука вековая.

Святые держат разговор —
Как первую возможность рая.

Кто-то же должен
Принять эту тьму и тяжесть.
И Господь приходит за надеждой
к Иову:
«Может быть, ты
Не потребуешь объяснений,
не будешь задавать вопросы,
принимая эту тьму и тяжесть —
Мою любовь?»

Говорят, что я умер,
Только слухам не верь.
Я уехал в Ванкувер,
В Филадельфию, в Тверь.

Прогони неотложку
И нежданную грусть.
Я исчез понарошку
И, конечно, вернусь.

Перелётные звёзды
Превращаются в дым.
Пусть венки и погосты
Выбирают другим.

Напишу ниоткуда:
Не дожди, не грусти.
Я когда-нибудь буду,
А пока отпусти.

Спи, бесполезный гений.
Всё в мире ерунда.
Пускай тебя заменит
Дежурная звезда.

Пускай другие звёзды
Запляшут невпопад.
Всё в мире несерьёзно —
Светила говорят.

Спят Пастернак и Ницше,
Ван Гог и Геродот.
И, кажется, Всевышний
Включил автопилот.

Стихи о схождении во ад

Легко вернуться на Итаку,
Пройти сквозь ад.
Не все записанные знаки
В огне сгорят.

Но как спастись могоканам,
Когда их дом
Огнём зализывает раны,
Чужим огнем?

Врачи, уборщицы, шофёры
Добыли жизнь,
Спустившись ниже, чем шахтёры, —
На самый низ.

По небу спутники и звёзды
Несёт амор,
А мы гуманитарный воздух
Крадём, как вор.

И Тот, Кто сочиняет жизни,
Когда воскрес,
Оставил горную отчизну.
Остался здесь.

Двухсотый день зимы. Мороз и артналёт.
Сегодня принимает Пролетарка.
И сквозь огонь и лёд счастливый звездочёт
Несёт в вертеп пакет с гуманитаркой.

Открылся райский сад для кошек и детей.
Над городом сгустились беспилоты.
Какой донецкий марш (послушай, Амадей!)
Разучивают в парке минометы...

Сто километров одиночества,
Сто пятьдесят,
А за окном зима-наводчица
Рисует ад.

Как будто жизнь со смертью дразнятся.
Здесь недалёт.
Здесь опоздала пятиклассница,
Вмерзает в лёд.

Кто на ходу теряет голову,
Кто на бегу.
Вот гражданин небесной Горловки
Уснул в снегу.

Не всё на свете перемелется,
Не всё пройдёт.
Мети, прицельная метелица,
Буди народ.

Воскресшие на Третьей мировой
Оплаканные пьяными ветрами
Забутые страной проросшие травой
Летающие как мотыльки на пламя

Зачатые на блокпостах в степи
Отправленные в космос виртуальный
Сорвавшиеся с золотой цепи
Для берегов отчизны коммунальной

Упавшие наверх взлетевшие на дно
Стоящие упрямо как мишени
Зарытые в планету как зерно
Для будущих счастливых поколений

Возвращаясь навзрыд,
Возвращаясь дотла
В этот город худой,
Витаминами бедный,
Понимаешь, что жизнь
Безвозвратно ушла.
Слово за слово, жизнь
Отошла незаметно.

По растрепанным улицам
Век пробежал,
Никого не забыл,
Ничего не пригладил.
И пора признаваться —
Былого не жаль.
И другого былого,
Признаться, не надо.

На стадионах беззаботных,
На блокпостах
Корми, Донецк, свою плоть
Железных птах.

Корми случайные снаряды,
Прицельный «град».
Корми Смолянкой и Горсадом.
Пускай летят.

Не отступаем, не сдаёмся
В крошечной мгле.
Черкни в «Вконтакте» — «остаёмся»
Большой Земле.

Укрой, убежище-земля,
От злого глаза
Печальных правнуков Кремля,
Детей Донбасса.

Мы точно вышли из земли
Другого сорта.
Сгорели наши корабли,
Аэропорты.

Пытаться от себя уйти
Уже нелепо.
Но все надёжные пути
Ведут на небо.

Двухсотый дом, трёхсотый дым.
Считай высотки,
Гори-гори, Четвёртый Рим,
Для новой сводки.

Гори-гори, Донецк бумажный.
Былое — дым.
Кому слепой заплатит дважды
За Крым и Рим?

Труби в промышленные трубы,
Столица роз.
Оставьте место на ютубе
Для наших слёз.